
НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНВЕРГЕНЦИИ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА

М.Н. Кузнецов

Кафедра гражданского и трудового права
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена исследованию деления права на публичное и частное. По мнению автора, такое деление является условным и пригодно лишь для изучения права. Конвергенция подтверждает, что задачи, функции и цель права едины, а системное и отраслевое деление права условны.

Ключевые слова: конвергенция, частное, публичное, римское право, гражданское право.

Научное обсуждение проблемы конвергенции публичного и частного права заметно усилилось после выхода в свет в 2011 г. монографии на эту тему выдающегося русского ученого, доктора юридических наук, профессора Н.М. Коршунова [5].

В научной и учебной литературе «конвергенция» (от латинского «convergo» — приближаюсь, схожусь) определяется как процесс сближения, схождения и даже слияния объектов, и прежде всего их признаков, в процессе эволюции.

В право этот термин пришел из политэкономического учения 50–60-х гг. прошлого века о неизбежности стирания экономических, политических и идеологических различий между капиталистической и социалистической системами, что приведет в конечном счете к их слиянию [2].

Сегодня практически все юристы — авторы научных публикаций единодушно усматривают в конвергенции знамение нашего времени. Явные признаки ее находят, например, в реформировании современного уголовного судопроизводства (Зайцев О.А., Абшилова Г.В.), во взаимопроникновении публичной и частноправовой преюдиции (Кузнецова О.А.), в разработке энергетического кодекса, определяющего основы государственного регулирования топливно-энергетических балансов и взаимоотношения потребителей и производителей энергоресурсов, их права и обязанности частного характера (Блинкова Е.В.), в сфере регулирования государственных и муниципальных заказов (Белов В.Е.), в сфере удовлетворения жилищных потребностей граждан (Бобровская О.Н.), в сфере деятельности саморегулируемых организаций (Лескова Ю.Г.) и даже в правоотношениях по ОСАГО (Хусаенов А.Т.).

Можно с уверенностью сказать, что в современном правовом регулировании хозяйственных и даже шире — гражданских (имущественных и личных не-

имущественных) отношений не осталось ни одной сферы, в которой публичные и частные начала и соответствующие им методы не оставили бы своих следов.

«Сочетание частноправового и публично-правового регулирования как в сфере частных, так и в сфере публичных отношений, — делает вывод в своей монографии профессор Н.М. Коршунов, — является закономерным процессом правового развития» [5. С. 117].

Такое положение отнюдь не всегда было характерным для правового регулирования гражданского оборота в России. Профессор В.П. Камышанский, например, выделяет три наиболее характерных этапа динамики развития публичных и частных начал в гражданском законодательстве России за последние 100 лет [3. С. 54–63]. Мы полагаем, однако, что таких периодов было четыре.

В первый период (1917–1985 гг.) доминировал императивный подход в регулировании деятельности хозяйствующих субъектов. «Мы ничего “частного” не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. Нужно применять не “*сogrus juris roman*” к гражданским правоотношениям, а наше революционное правосознание», — директивно советовал В.И. Ленин разработчикам нового, послереволюционного Гражданского кодекса России [7. С. 398].

При таких обстоятельствах сам термин «частное» был изгнан из законодательного процесса и был сохранен лишь в названии «международное частное право», которое регулировало отношения российских организаций с зарубежными хозяйствующими субъектами.

Второй период длился с 1985 по 1991 г. Он был связан с так называемой перестройкой политического и экономического уклада нашего общества. В этот период произошла ломка советского правопорядка и стремительное расширение политических и экономических свобод, появление новых форм собственности и видов юридических лиц, неизвестных ранее советскому гражданскому праву. В сфере осуществления гражданского оборота в связи с этим произошло существенное ослабление роли императивных норм и возрастание роли норм диспозитивного характера.

Этот процесс был несколько заторможен в самом начале третьего периода, который условно можно датировать 1991–2001 гг., однако затем резко усилился в связи с бурным процессом разгосударствления и приватизации. В ходе интенсивного законодательства, хотя и стали появляться некоторые новые императивные нормы, диспозитивные начала все же брали верх.

Уход государства из экономики и культуры, науки и образования, разрушение сельскохозяйственного уклада советского периода теоретически возвысили роль частноправовых начал, однако на практике без должного публично-правового контроля и помощи не решились ни одной из стоящих перед страной задач. Более того, Россия потеряла практически все завоевания прежних лет.

Четвертый период, который условно можно датировать от начала двухтысячных лет и до настоящего времени, связан с постепенным осознанием важности публично-правовых, а значит, и императивных начал в хозяйственной жизни страны, в ее экономике, науке, культуре, коммунальном хозяйстве и иных

сферах жизни общества. Вмешательство государства в частную сферу общественных отношений стало требованием времени. Общество, и главное, власть осознали, что решение любых социально значимых задач невозможно без закрепления в гражданском праве публичных начал, определяющих правила поведения участников частноправовых, и прежде всего договорных отношений, которые ярче всего высвечивают суть самого гражданского (частного) права.

При изучении указанных периодов следует обратить внимание на то, что вытеснение то частных, то публичных начал в гражданском законодательстве, хотя и диктовалось чисто политическими соображениями, все же опосредовалось сохраняющимися при любых положениях раскачивающегося правового маятника организационными отношениями, выделение которых в отдельный предмет гражданского права впервые предложил О.А. Красавчиков [6. С. 163].

Организационные отношения имеют своей целью упорядочить иные общественные отношения, в том числе и урегулированные нормами публичного или частного права.

Построенные на началах координации и субординации, эти отношения в сложный период истории права в России опосредовали и обеспечили не уничтожение, а подвижку границ между частным и публичным правом, благодаря чему Россия смогла пережить правовой коллапс.

Сегодня в правовой литературе поднимается вопрос не только о явной конвергенции публично-правовых и частноправовых начал, то есть фактически о сближении подсистем частного и публичного права, но и о внутриотраслевом сближении самих правовых подсистем формирующих отрасли.

На это обращает внимание к.ю.н., заведующий кафедрой гражданского права и процесса Ульяновского государственного университета С.Ю. Морозов. Он пишет: «Вопросы внутриотраслевого сближения правовых подсистем, помимо прочего, обусловлены взаимозависимостью организационных... и имущественных, а также личных неимущественных отношений. Связь между названными группами отношений обуславливает пределы свободы участников договорных отношений. Наличие гражданских организационных правоотношений обуславливает «пластичность» гражданско-правовой отрасли, поскольку расширяет границы диспозитивности, позволяет применять такие инструменты саморегуляции, как договор, самостоятельно устанавливать правила поведения» [10. С. 205].

Еще одной особенностью развития современного гражданского права в свете наблюдаемого процесса конвергенции публичного и частного начал является появление в нем межотраслевых норм, которые не укладываются в прокрустово ложе ни частного, ни публичного права. Более того, такие нормы, как знамение времени, возникают и в других отраслях права: семейном, трудовом, земельном и т.д. Наиболее показательной в этой связи является ст. 223 ГК РФ — момент возникновения права собственности у приобретателя по договору. В части 2 данной статьи указывается, что «в случаях, когда отчуждение имущества подлежит государственной регистрации, право собственности у приобретателя возникает с момента такой регистрации...».

Межотраслевыми нормами следует признать и те статьи гражданского, семейного, земельного и иных отраслей права, в которых возникновение прав и обязанностей частного характера наступает не непосредственно после волеизъявления сторон или случившегося факта, а лишь после регистрации их в установленном порядке в органе, осуществляющем публичные функции: отдел ЗАГС (расторжение брака, смерть лица и ее последствия для наследников), нотариальный орган, регистрационная палата, министерство юстиции и другие.

Выход указанных норм из отраслевого подчинения, опосредование публичных и частных начал нормами организационных отношений, наконец, установление самого факта конвергенции публичного и частного права убеждает в необходимости переосмысления самого деления права на публичное и частное и установления времени и места, когда и где это произошло.

Вместе с тем все эти факты свидетельствуют также и о том, что в нашей правовой науке в целом ощущается недопонимание нечто большего, а именно изначально присущего праву единства его цели, функций и предназначения в регулировании общественных отношений и развитии общества в целом.

Истоки разобщенности и разъединения, по крайней мере у нас в стране, усматриваются в изначально ошибочном расчленении права на публичное и частное, ныне, со времен В.И. Ленина, доведенное до абсурда.

Такое деление отнюдь не всегда было присуще праву и далеко не везде имеет место в настоящее время. В странах англо-американской правовой традиции его не было раньше, нет и теперь. Нет его и в мусульманских странах и в некоторых других, например, в странах с обычно-правовой системой права.

Анализируя проблему «частного» и «публичного» в регулировании общественных, в том числе и прежде всего социально-экономических отношений, профессор Г.В. Мальцев отмечал: «Сама проблема разделения частного и публичного права является сугубо европейской, она исторически возникла и развивалась в рамках одной из мировых культур — западной, применительно к одной модели, или семье правовых систем, утвердившейся в странах континентальной Европы. Уже Англия, отделенная от европейского материка небольшим проливом, вследствие особых исторических условий смогла сформировать принципиально иную модель правовой системы — англосаксонское право, внутри которого различаются сферы общего права (*common law*), и права справедливости (*the law of equity*), но нет деления права на частное и публичное». И далее: «То, что в Германии или во Франции представляется самоочевидным и необходимым, в правовых системах, построенных на других началах, неуместно» [8].

Сегодня ошибочно принято считать, что деление права на частное и публичное восходит к римскому праву. Однако новейшие исследования показывают, что это произошло несколько столетий спустя после распада Западной римской империи. Обычно апеллируют к фрагменту из сочинений римского юриста и государственного деятеля Ульпиана, жившего на рубеже II и III столетия нашей эры.

Этот фрагмент, включенный в первый титул первой книги «Дигест» римского императора Юстиниана, содержит рассуждения Ульпиана о правосудии и

праве и звучит так: «Изучение права распадается на две части: публичное и частное. Публичное право есть то, которое относится к положению Римского государства, тогда как частное относится к пользе отдельных лиц; существует нечто полезное в общественном отношении и в частном отношении. Публичное право включает в себя святыни (*sacra*), служение жрецов, положение магистратов. Частное право делится на три части, ибо оно составлено из естественных предписаний, из (предписаний) народов, или (предписаний) гражданских». И далее: «Гражданское право не отделяется всецело от естественного права или права народов. Итак, если мы добавляем что-либо к общему праву или сокращаем из него, то мы создаем наше собственное право, то есть гражданское».

Нетрудно заметить в этих рассуждениях, что в Древнем Риме имели представление о разнице в положении государства и положении отдельных, т.е. частных лиц, причем нормы права частного, регулировавшие отношения между гражданами Римской империи, назывались, гражданскими, а вся система — *ius civile*. Из рассуждений Ульпиана видно также, что являлось истоком пополнения норм частного права, видна их природа в понимании древних. Это были нормы естественного, т.е. природного происхождения, нормы, заимствованные из права народов (*ius gentium*), т.е. материальной системы права, регулировавшей отношения между римскими гражданами и перегринами (неримлянами), а также перегринами между собой, и собственно *ius civile*. Интересно в этой связи и замечание Папиниана: «Гражданское право — это то, которое приходит из законов, плебесцитов, сенатусконсультов, декретов принцепсов, авторитета мудрецов».

Но было ли деление права на публичное и частное в действительности?

Сам Ульпиан об этом ничего не говорит. Напротив, он говорит об «изучении права», но не о расчленении его, т.е. обращает внимание римлян и не только на то, как лучше, доступнее, удобнее воспринимать римское право, но отнюдь не о расчленении его как интегральной совокупности норм.

Более того, он прямо указывает, что гражданское право (частное право) не отделяется всецело от естественного права (*ius naturale*) и право народов (*ius gentium*).

Оно приходит, т.е. совершенствуется и усложняется из законов, плебесцитов, сенатусконсультов, декретов принцепсов, авторитета мудрецов в рамках и в продолжение естественных прав всех живых существ, что имело в древнем Риме особый нравственный смысл.

Естественное право понималось и принималось там гораздо глубже и чувственнее, чем это имеет место в наши дни в современном обществе. Природные корни *ius civile* (частного права) обнаруживались, принимались и персонифицировались римлянами из наблюдения за нравами и поведением живых организмов. Это касалось в особенности высокоорганизованных сообществ животных и насекомых (например, пчел или термитов).

Древние видели, что для таких сообществ, в особенности с явно структурированной формой совместного поведения, характерно жесткое иерархическое построение их «социальной организации», в соответствии с которой «каждая особь выполняет сообразно существующей иерархической пирамиде строго

“свои” функции (получившие потом, уже в отношении к аналогичным явлениям человеческого сообщества, названия “обязанность”, “ответственность”, “порядок”, “дисциплина”») [1. С. 6, 30, 50–57].

Исследуя этот аспект, профессор И.А. Покровский писал: «Идея естественного права уже у римских юристов приобрела серьезное практическое значение: естественное право и справедливость, *ius naturale* и *aeguitas*, часто рассматриваются ими как источники гражданско-правовых норм и оказывают влияние на толкование этих последних» [11. С. 61].

Уже тогда и Гай, и Павел, и Ульпиан, и его учитель Папиниан хорошо понимали, что создаваемые ими правила поведения и само представление о праве как об инструменте обеспечения порядка и дисциплины должны отражать не только понятные для людей естественные предпосылки, но и прежде всего потребности именно человеческого общества, его оптимальной организации и функционирования. Именно поэтому, формируя нормы права, древние римляне закладывали в них непреходящую черту — властно-государственную основу права, его принудительность и публичность. При таких обстоятельствах частное право просто не могло быть обособлено от публичных его начал.

Следовательно, наше представление о «*Corpus juris romani*» как о кодексе только римского частного права не вполне корректно.

Законы, плебесциты, сенатусконсульты, декреты принцепсов и умозаключения по не столько частным, сколько общественно важным вопросам авторитетных мудрецов не могли не содержать в себе публично-правовых начал.

Исследуя феномен «частного права» от древности до наших дней, профессор С.С. Алексеев приходит к выводу, что не было, нет и не должно быть такого нормативного акта, «который воплощает частное право, так сказать, в чистом виде. Такого чисто гражданского закона в истории права не было, его нет сейчас, и не будет в будущем...».

Далее профессор С.С. Алексеев объясняет, почему это так, и указывает на три обстоятельства, которые всегда имели место не только в прошлом, но и в еще большей степени имеют место в наши дни. Это особенно важно учитывать при разрешении спора между нынешними сторонниками хозяйственного (предпринимательского) права и теми, кого называют «частниками» или цивилистами.

С древних времен и сейчас акты частного-правового характера всегда содержат в том или ином объеме «публично-правовые элементы — публичные “вкрапления”». С.С. Алексеев объясняет это тем, что любой правовой акт такого рода — это документ в широком смысле публичный, государственно обязательный. Он не может не содержать безусловно обязательные установления, своего рода императивные предписания или нормы.

Во-вторых, коль скоро такой акт всегда является и не может не являться правовым явлением, то в нем неизбежны некоторые формы государственного участия, государственного контроля, необходимого для нормального гражданского оборота, например, для удостоверения (проверки) права и дееспособности лиц, регистрации имущества или сделки. Это особенно хорошо видно на примере сегодняшней любой высокоразвитой страны, когда усиливается социаль-

ная защита людей, проявляется социальная солидарность, появляются такие правовые институты, как «публичные договоры», в которых публично-правовые элементы входят в само содержание гражданских правоотношений.

Наряду с «вкраплением» в ткань гражданского (частного) права публично-правовых элементов С.С. Алексеев обращает внимание на то, что гражданско-правовые постановления могут существовать и на практике действуют в комплексе с законами публичного права, «которые их “сопровождают” — параллельно, в паре с ними функционируют».

Наконец, в-третьих, частное право, выраженное в постановлениях (в древнем Риме в форме не только законов, но и плебесцисов, сенатусконсультов, декретов принципсов, авторитета мудрецов), может реализовываться на практике, в жизненных отношениях лишь частично, а порой лишь по главному, глубинному своему содержанию.

Приведенный анализ сочетания частного и публичного убеждает в том, что римское право было единым, т.е. не было разделено на две части, не содержало дуализма, который оформился в странах континентальной Европы значительно позднее.

Немаловажным фактором, затрудняющим выявление подлинного объема правового материала, использовавшегося для организации гражданского оборота в древнем Риме, является то, что до нас дошла лишь незначительная часть письменных источников права той эпохи (4. С. 33).

По некоторым данным, примерно 90% дошедших до нас норм римского права принадлежат к гражданскому, т.е. частному праву. Это явилось результатом селекции, осуществленной юристами более поздних эпох, которые в силу поставленных временем задач проявили больший интерес именно к частно-правовым проблемам, а не публичным.

Такой вывод можно сделать на основании того, что после падения Западной римской империи европейская история на многие века погрузилась в эпоху варварства, выход из которой был связан с эпохой Возрождения, начавшейся лишь в конце XII — начале XIII в. Не было крупных государственных образований, все воевали друг с другом. Не было запроса на развитие сильной публичной власти, усиливающей государственные начала в обществе. Право интересовало людей в этот период лишь как выражение самой близкой к ним действительности: семья, земля, торговля, деньги.

Однако, «как только промышленность и торговля — сперва в Италии, а позже и в других странах — развили дальше частную собственность, тотчас же было восстановлено и вновь получило силу авторитета тщательно разработанное римское частное право...» [8. С. 63].

Ф. Энгельс в этом фрагменте совместной работы с К. Марксом ничего не говорит о восстановлении норм римского публичного права. Невостребованное временем, оно во многом по этой причине было утрачено. Глоссаторы и постглоссаторы (комментаторы) римского права временем и деньгами были заинтересованы в восстановлении именно частного, а не публичного права. Этим объясняется тот печальный факт, что до нас дошло в основном частное римское

право (да и то комментированное, т.е. в известном смысле переработанное и дополненное университетскими комментаторами), а не публичное.

Профессор Г.В. Мальцев в этой связи замечает: «Римское право явилось исходной базой для построения системы частного права (в Европе в период Возрождения — *М.К.*), но с ним обращались по принципу “отсекай все ненужное и добавляй нужное”. В результате сегодня никто не может сказать, в какой мере римское частное право в известном нам варианте является подлинным, что в нем идет от римских юристов, а что от более поздних европейских комментаторов».

Если принять во внимание вышеизложенное и учесть, что предпосылки для формирования сильных европейских национальных государств, требовавших усиления публичной власти, возникли после полосы Возрождения, Просвещения, Реформации и крестьянских войн, предшествовавших вступлению Европы в промышленную стадию своего развития, то реальная конструкция разделения права на публичное и частное в части европейских государств возникла тогда и постольку, когда и поскольку возникла необходимость приведения методов правового регулирования общественных отношений в соответствие с потребностями не только частного интереса, физического лица, торговца, промышленника, или их гильдий и союзов, но и интереса публичного, за которым стоит теперь крепнущее национальное государство, его амбиции, его социальный и политический интерес, требующие соответствующего правового оформления.

С учетом объективно возникших новых задач по регулированию общественного развития и дальнейшего совершенствования гражданского и в первую очередь торгового оборота появляются отдельные методы воздействия на происходящие в обществе процессы: частно-правовой и публично-правовой.

Для первого характерны такие черты, как равенство и независимость субъектов гражданского оборота, свобода их воли и свобода договоров, которые они заключают между собой, децентрализация. Здесь господствуют горизонтальные отношения, основанные на юридическом равенстве субъектов, координации их воли и интересов. Преимущественное положение в нем занимают не императивные предписания, не запреты, а юридические дозволения.

Второй метод связан с элементами власти и подчинения, централизацией правовой связи, встраиванием отношений между субъектами по вертикали: сверху управомоченный, снизу — обязанный и, как следствие, императивный характер всего регулирования.

Ликвидация частной собственности в Советской России в результате Октябрьского переворота 1917 г. повлекла за собой коренное изменение в правовой надстройке и объективный отход от деления всего нашего права на публичное и частное, утвердившегося в буржуазных странах. Именно на это обращал внимание В.И. Ленин в своем письме Курскому.

Однако применение «революционного правосознания» к «гражданским правоотношениям» вовсе не означало стирания граней между положением государства и отдельных граждан и организаций нашей страны, несущих в себе частицу новой правовой системы, в их многообразных связях и отношениях с

гражданами и организациями стран, где частная собственность осталась неизменной и, безусловно, эти отношения не заменились и не могли быть заменены сугубо публично-правовыми отношениями, на чем настаивал В.И. Ленин.

Резюмируя все вышеизложенное и возвращаясь к проблеме конвергенции публичного и частного права, можно утверждать, что современная правовая мысль уже подошла к тому рубежу, когда отраслевое и даже системное деление права России должно быть признано условным, пригодным лишь для процесса обучения и образования или, как совершенно ясно заявил Ульпиан, для «изучения права», и не должно быть связано с расчленением его как интегральной совокупности норм, опосредующей все грани общественных отношений.

Стремительное и повсеместное признание конвергенции по существу означает, что российская правовая наука в конце XX — начале XXI в. сделала гигантский шаг вперед навстречу прошлому, а именно осознанию функционального и целевого единства права, как его осознали, понимали и применяли в Древнем Риме.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алексеев С.С.* Частное право: Научно-публицистический очерк. — М.: Статут, 1999.
- [2] *Брегель Э.* Теория конвергенции двух экономических систем // *Мировая экономика и международные отношения.* — 1968. — № 1.
- [3] *Камышанский В.П.* О публичных и частных началах в гражданском праве и конвергенции гражданского права // *Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики: Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Н.М. Коршунова / Отв. ред. д.ю.н. Ю.С. Харитонов.* — М.: МАЭП, 2012.
- [4] *Ковалев С.И.* История Рима. Курс лекций. — Л., 1986.
- [5] *Коршунов Н.М.* Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. — М., 2011.
- [6] *Красавчиков О.А.* Организационные гражданско-правовые отношения // *Антология уральской цивилистики 1925–1989: Сб. статей.* — М., 2001.
- [7] *Ленин В.И.* О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д.Н. Курскому: 17 мая 1922 г. // *Полн. собр. соч.* — Т. 44.
- [8] *Мальцев Г.В.* К вопросу о частном и публичном праве // *Право и гражданское общество в современной России.* — М.: РАГС, 2003.
- [9] *Маркс К., Энгельс Ф.* *Немецкая идеология* // *Маркс К., Энгельс Ф.* — Соч. — 2-е изд. — Т. 3.
- [10] *Морозов С.Ю.* К вопросу о сближении подсистем частного и публичного права в свете проблемы правовой конвергенции // *Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики: Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Н.М. Коршунова / Отв. ред. д.ю.н. Ю.С. Харитонов.* — М.: МАЭП, 2012.
- [11] *Покровский А.И.* Основные проблемы гражданского права. — М.: Статут, 1998.

SOME THEORETIC-LEGAL ASPECTS OF CONVERGENCE OF PUBLIC AND PRIVATE NORMS OF LAW

M.N. Kuznetsov

The Department of Civil and Labor Law
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The article is dedicated to investigation of deviation of law in public and private systems. In the author's view such deviation is conditional and is useful only for educational purposes. The convergence proofs the uniform of tasks, functions and aims of law and the deviation of law on systems and brunches are purely nominal.

Key words: convergence, private, public, Rome-law, civil law.

REFERENCES

- [1] Alekseev S.S. *Chastnoe pravo: Nayuchno-pyublitsisticheskiy ocherk.* — M.: Statyut, 1999.
- [2] Bregel' E. *Teoriya konvergentsii dvyukh ekonomicheskikh sistem // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya.* — 1968. — № 1.
- [3] Kamyshanskiy V.P. *O pyublichnykh i chastnykh nachalakh v grazhdanskom prave i konver-gentsii grazhdanskogo prava // Konvergentsiya chastnogo i pyublichnogo prava: problemy teorii i praktiki: Sb. materialov Vserossiyskoy nayuchno-prakticheskoy konferen-tsii, posvyaschennoy pamyati professora N.M. Korshyunova / Otv. red. d.yu.n. Yu.S. Khari-tonova.* — M.: MAEP, 2012.
- [4] Kovalev S.I. *Istoriya Rima. Kyurs lektsiy.* — L., 1986.
- [5] Korshyunov N.M. *Konvergentsiya chastnogo i pyublichnogo prava: problemy teorii i prak-tiki.* — M., 2011.
- [6] Krasavchikov O.A. *Organizatsionnye grazhdansko-pravovye otnosheniya // Antologiya yural'skoy tsivilistiki 1925–1989: Sb. statey.* — M., 2001.
- [7] Lenin V.I. *O zadachakh Narkomyusta v yusloviyakh novoy ekonomicheskoy politiki. Pis'mo D.N. Kyurskomyu: 17 maya 1922 g. // Poln. sobr. soch.* — T. 44.
- [8] Mal'tsev G.V. *K voprosu o chastnom i pyublichnom prave // Pravo i grazhdanskoe ob-schest-vo v sovremennoy Rossii.* — M.: RAGS, 2003.
- [9] Marks K., Engel's F. *Nemetskaya ideologiya // Marks K., Engel's F.* — Soch. — 2-e izd. — T. 3.
- [10] Morozov S.Yu. *K voprosu o sblizhenii podsistem chastnogo i pyublichnogo prava v svete problemy pravovoy konvergentsii // Konvergentsiya chastnogo i pyublichnogo prava: pro-blemy teorii i praktiki: Sb. materialov Vserossiyskoy nayuchno-prakticheskoy kon-ferentsii, posvyaschennoy pamyati professora N.M. Korshyunova / Otv. red. d.yu.n. Yu.S. Kharitonova.* — M.: MAEP, 2012.
- [11] Pokrovskiy A.I. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava.* — M.: Statyut, 1998.